

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

Серия   **ИНФОРМАЦИОННЫЙ**
ВЫПУСК № 47 (1653)
«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья Т. Воеводиной «Сельская Русь», опубликованная в газете «Завтра», № 13, апрель 2019 г.

Вологда
апрель 2019

Сельская Русь

Есть ли у нее будущее?

Александр Проханов пишет в «Завтра» о сбережении народа. «В недрах исчезающего народа трудно осуществить духовный прорыв, научные открытия, трудовой или военный подвиг». Это – неоспоримо.

У нас быстро оголяется и безлюдует земля. Проханов перечисляет области – самые коренные, центральные, – в которых народа становится всё меньше, то есть смертность превышает рождаемость. Это и понятно: молодые оттуда стекаются в большие города, попросту говоря, в Москву, если речь идёт о Центральной России. Москва с пригородами растёт не по дням, а по часам, перемалывая поля и перелески, громоздя бетонные громады. И это не радостный, а болезненный рост, ничем не сдерживаемый. Ну а провинция соответственно оголяется: общее-то население страны не растёт.

Особенно неуклонно вымирает деревня. А ведь в ней корень народа. Немецкий антрополог Ганс Гюнтер верно говорил: «Народы рождаются в деревне и умирают в городе». Именно из деревни черпает силы любая развивающаяся цивилизация.

Умирают не только деревни, но и малые города. Вот и надо – учат государственные мудрецы – признать и закрепить (по-научному, «институционализировать») то, что и так есть – утечку народа, оголение территории. В конце 2010 года сообщалось о проекте создания двадцати городских агломераций. Потом проект был не то что отменён, а то ли забыт, то ли отложен. План агломераций – это план закрытия России, возможно, её предпродажной подготовки. Так молодые наследники сносят бабушкину хибарку-сараюшку, чтоб подороже продать участок «под коттедж». Чтобы ничего не напоминало о прошлом. Сейчас вроде как предпринимаются попытки этот болезненный процесс притормозить: обещают не закрывать школы и медпункты...

Очевидно: нужна в первую очередь инфраструктура: дороги, газопроводы. Нужна промышленность, многоотраслевая, разнообразная: именно индустрия – источник богатства народов. Менделеев, считавший себя в первую очередь политэкономом, говорил, что промышленность надо строить на селе, чтобы люди не отрывались от привычной жизни. Сельскохозяйственный сезон у нас короткий, многие могли бы работать и на поле, и на фабрике.

Нужно распределение специалистов. Надо им дать хорошие стипендии с обязательством отработки в течение пяти лет по распределению. Если закрыть бездельные специальности, можно из сэкономленных средств платить стипендии тем, кто подлинно нужен.

Всё это так, и об этом многие говорят. Но давайте посмотрим на вещи прямо, без политкорректных околичностей.

Когда началось бегство из деревни в города? Тогда, когда разрешили: при Хрущёве. До того было своего рода крепостное право: колхозникам не выдавали паспорта. Я лично в детстве (60-е годы) наблюдала в живописной деревушке на берегу Оки: что ни год – там становилось меньше коренных жителей; теперь «деревушка» – полностью дачная. Но тогда можно было течь только в райцентр, а в Москву и в большие города – не пускали.

После победы демократии в 91 году – езжай куда угодно. И поехали. Мужики в охранники, бабы – в продавщицы. В городе прожить неизмеримо проще, городская работа легче сельской. Да и где она – сельская? И вообще в городе завлекательнее... Колхозы-совхозы развалили, а воображать, что селяне массово станут фермерами, могут только городские интеллигенты, сроду не бывавшие даже «на картошке».

Сегодня никакие меры и никакие инвестиции, государственные и частные, не превратят деревню в более лёгкое и комфортное

место для проживания, чем, положим, Москву. Охранником при офисе сидеть всяко проще, чем трудиться трактористом или зоотехником. На производстве (любом) работать всегда труднее и ответственнее, чем сидеть в кондиционированном офисе и перебирать бумажки. Поэтому если возможность утечь в Москву или иной большой город останется – она будет использована. Я слышала, что в блестяще организованные белорусские агрогородки молодёжь не слишком-то стремится. Хотя там всё механизировано, компьютеризировано, современно.

Отсюда простой, как мычание, вывод: рыночными, строго экономическими методами народ на селе и в малых городах не удержать. Да, нужны экономические меры: жильё для молодёжи, материнский капитал не для всех подряд, включая обеспеченных москвичек, а для тех, кто в нём подлинно нуждается. Но одновременно нужны и чисто административные меры, ограничивающие свободу вы-

бора места жительства. Когда нельзя было утечь в город, деревня был полнокровна, а стало можно – начала хиреть. Если есть люди, то можно улучшить их положение, развивать культуру, делать что угодно. Но если людей нет – и говорить не о чем.

Мы любим ностальгически восхищаться: ах, в 50-е годы так замечательно учили в сельских школах, что люди поступали в МГУ! А что за этим стоит? Обязательное распределение учителей. Когда его не стало – всё пошло прахом.

Надо, наконец, осознать, что свобода – это не какая-то абстрактно-абсолютная ценность, а инструмент улучшения и развития жизни, инструмент созидания культуры – материальной и духовной. Если свобода приводит к вымиранию и деградации – может, она неправильная какая-то, и ну её – такую свободу?

Татьяна ВОЕВОДИНА